

**НЕМЕЦКИЕ И АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ДЕПОРТАЦИЯХ
МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ОККУПАЦИОННЫМИ ВЛАСТЯМИ
В ПИНСКОМ РЕГИОНЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Владимир Заворошкин
Минск, Беларусь

После оставления Пинска русскими войсками 15 сентября 1915 года город и окрестности находились в зоне немецкой оккупации. Учитывая враждебное отношение к себе со стороны местного населения, немецкие военные власти проводили сплошное отселение жителей населённых пунктов в прифронтовой полосе. Установочное распоряжение о проведении депортаций местного населения было отдано командиром немецкого 41 резервного корпуса генералом Г. фон Гронау 18 октября 1915 года. Депортации не носили характер акции возмездия за поддержку местным населением русских партизан, а скорее являлись превентивной акцией. Депортации имели признаки этнических чисток, поскольку параллельно немцы депортировали из города русское и православное население. В комплексе с другими бедствиями, вызванными войной (беженство, потери среди населения в ходе боевых действий), депортации привели к значительному ослаблению демографического потенциала региона и нарушению его традиционной этнической и профессиональной структуры накануне новых геополитических потрясений.

Ключевые слова: Полесье, Пинск, Первая мировая война, немецкая оккупация, депортации населения, 41 резервный корпус (Германская империя)

В связи со столетием Первой мировой войны значительно возрос интерес к связанным с ней событиям. Благодаря новым СМИ, в первую очередь интернету, как специалистам, так и широкой общественности становятся доступными целые пласты ранее мало изученных архивных материалов. Это создаёт предпосылки для более активной ликвидации «белых пятен» в истории войны. Для пинских краеведов, наверняка, одним из таких «белых пятен» остаётся политика немцев на оккупированной территории края, и в частности проблема депортации ими местного населения.

В годы Первой мировой войны принудительное выселение населения не считалось чем-то необычным и исключительным. Оно широко практиковалось всеми воюющими странами – Германией, Австро-Венгрией, Россией, Францией, Великобританией, Турцией и др.

Как известно, Пинск был занят немцами 15 сентября 1915 года (здесь

и далее даты по новому стилю) – на 408-й день с начала войны. За два месяца до этого, 18 июля 1915 года, немцы прорвали русский фронт под Красноставом в Польше. Довольно быстро ими были заняты Люблин, Хелм, Брест-Литовск, но к концу сентября 1915 года «Бугское наступление» немцев и их австро-венгерских союзников выдохлось на Ясельде и под Луцком. Пинск почти на полтора года стал прифронтовым городом в зоне немецкой оккупации. Это как привело к немедленным переменам, так и повлекло за собой долгосрочные радикальные политические и демографические последствия для населения города и региона.

Значительные изменения демографической ситуации в Пинске и Пинском регионе происходили по нарастающей уже с самого начала войны. Они характеризовались:

- призывом части местного населения в Российскую армию;
- прибытием в регион большого числа беженцев из западных губерний;
- усилением концентрации в городе и окрестностях частей Российской армии по мере приближения фронта;
- проведением мероприятий по эвакуации учреждений, предприятий и гражданского населения в связи с предстоящим оставлением Пинска.

Немецкие и австрийские источники описывают ситуацию, какой она сложилась к моменту занятия города.

Оценивая мероприятия русских властей по эвакуации учреждений, предприятий и гражданского населения в Пинске и окрестностях, немецкие источники отмечают, что они проводились в спешке и не носили столь тотального характера, как в более западных регионах. Это объясняется тем, что темпы немецкого наступления в Полесье оказались для русской армии неожиданно высокими. «Несмотря на приказ об эвакуации, в Пинске остались многие тысячи беженцев, которые ранее прибыли сюда из Варшавы и других мест. Русские намеревались принудить этих беженцев поневоле к эвакуации дальше на восток, но им пришлось покинуть Пинск так стремительно, что большая часть населения и беженцев осталась», – сообщала венская газета «Дойчес фольксблатт» [6, с. 2]. Австрийская газета «Рейхспост» со ссылкой на краковскую газету «Пшеглэнд поранны» отмечала, что «заятие Пинска союзными войсками произошло совершенно неожиданно, так что эвакуация русскими населения города могла происходить лишь частично. Вследствие этого город почти не пострадал, и лишь в ночь перед бегством русских из города казаками были разгром-

---

лены и опустошены многие лавки». По информации другой газеты, «Нова реформа», на которую ссылается «Рейхспост», «наряду с Пинском относительно нетронутым оказался город Янув...» [13, с. 5].

Весьма показательным свидетельством неполного и непоследовательного характера эвакуации сельского населения в Пинске и окрестностях в ходе отступления русской армии, может служить поразительный факт обнаружения немцами в отдалённых районах Полесья деревень так называемых «волынских немцев» – в местностях, объявленных на военном положении, при отступлении русских войск они должны были быть затронуты принудительной эвакуацией в первую очередь как потенциально нелояльный элемент: «В этой полностью отрезанной болотной и озёрной местности имелись немецкие деревни, где с радостью встречали наших людей». Так это отмечено в истории 70 резервного полка полевой артиллерии, который тогда располагался близ Кухоцкой Воли (входила в южную часть Пинского уезда) [3, с. 87].

Кроме того, на Пинщине пребывало немало беженцев из польских губерний, которых также не успели эвакуировать далее на восток. Как сообщала газета «Рейхспост», «в окрестностях города, а также в самом городе было много польских крестьян, насильно эвакуированных из Люблинской губернии» [13, с. 5]. Венская газета «Дойчес фольксблатт» от 11 ноября 1915 года писала, что оказавшиеся в районе Пинска беженцы с польских территорий уже возвратились в места своего постоянного проживания [6, с. 2], однако в материалах немецкого 41 резервного корпуса имеются упоминания о деятельности в Верхустье (севернее Иваново) особой команды по работе с беженцами. Относительно высокая численность этой команды (3 офицера и 44 солдата) и даже её дальнейшее усиление в конце декабря 1915 года свидетельствуют о том, что в зоне немецкого 41 резервного корпуса проблема беженцев оставалась нерешённой ещё и в начале 1916 года [1, с. 19; 1, с. 87].

В конце сентября 1915 года бои ещё продолжались в верховьях реки Вислица к северу от Пинска, в октябре – в районе озера Нобель юго-западнее Пинска. Однако линия фронта оставалась практически неизменной, и обе стороны перешли к глухой обороне. Оккупанты с первых же дней столкнулись с враждебным отношением к себе со стороны местного населения, вдобавок ко всему озлобленного бессистемными реквизициями. «В этих местах сельское население, вне всякого сомнения, стояло на стороне русских, в отношении этих людей надлежало осуществлять строгий

контроль и проявлять недоверие», – отмечалось в истории 70 резервного полка полевой артиллерии [3, с. 79].

Для того чтобы закрепиться на этой явно враждебной территории, немецкое командование приняло решение о депортации из Пинска «ненадёжных элементов», а в окрестностях города о поголовной депортации всех местных жителей из прифронтовой полосы.

Первый известный документ подписан командиром немецкого 41 резервного корпуса¹ генералом Гансом фон Гронау. Он называется «Распоряжения о депортации населения, представляющего обузу для войск» (Bestimmungen für den Abschub der lästigen Bevölkerung) [1, с. 9]. Документ датирован 18 октября 1915 года, т.е. практически через месяц после занятия немцами Пинска и окрестностей.

Если учесть, что поездка кайзера Вильгельма II в Пинск состоялась 10 ноября, т.е. в разгар депортаций, можно предположить, что эти акции были согласованы с самой высшей инстанцией рейха.

Следует также сопоставить дату распоряжения о депортации со скандальным происшествием к югу от Пинска в ночь с 27 на 28 ноября, когда в ходе налёта русских партизан был разгромлен штаб немецкого 271 резервного пехотного полка в Невеле и захвачен в плен сам командир 82 резервной дивизии генерал-майор Зигфрид Фабариус. Такое сопоставление показывает, что депортации начались до этого резонансного события и не являлись акцией возмездия за поддержку населением партизан, а носили, скорее всего, характер превентивной акции.

В распоряжении генерала Г. фон Гронау и в других известных документах не содержится никаких попыток оправдать отселение из прифронтовой полосы интересами безопасности самого населения. Распоряжение начинается словами: «Во избежание шпионажа...».

---

¹ Зона ответственности этого корпуса охватывала фронт от р. Стоход на юге до Телехан на севере – практически всю занятую немцами западную половину тогдашнего Пинского уезда (С 5 августа 1916 года корпус получил новое название – армейская группа Гронау /Armee-Abteilung von Gronau/ по фамилии своего командующего генерала Ганса фон Гронау, с 31 декабря 1917 года – армейская группа G /Heeresgruppe G/). Приказание штаба немецкого 41 резервного корпуса с 13 октября по 31 декабря 1915 года общим объёмом 100 листов были опубликованы в рамках осуществляемого с 2011 года российско-германского проекта по оцифровке германских документов в архивах Российской Федерации в составе коллекции «Германские документы Первой Мировой войны» (Фонд 500, Опись 12519). Данная коллекция включает около 36 тыс. страниц ведомственных материалов Генерального штаба, штабов и начальников войск, войсковых соединений, Военного министерства Пруссии, Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел и других организаций (Режим доступа: <http://tsamo.germandocsinrussia.org/ru/nodes/4-delo-2-prikazy-shtaba-41-rezervnogo-korpusa#page/1/mode/grid/zoom/1>, дата доступа: 10.08.2016).

В соответствии с этим документом южнее Пинска депортации подлежали жители деревень между Пиной и Струменем до дороги Любязь – Вулька (западнее этой линии депортации осуществлялись 5 кавалерийской дивизией по отдельному плану). К северу от Пинска в первую очередь намечалось выселить деревни по линии Почапово – Кривчицы, расширив затем полосу депортации до линии Галево – Бастычи.

Как явствует из распоряжения, к северу от линии Телеханы – Оброво - Серадово (южнее Ивацевич) подобную зачистку на своей территории проводили войска соседнего Бескидского корпуса.

Наряду с этим, независимо от депортации всего остального населения на определённых для этого территориях, во всей зоне ответственности корпуса, включая колонны и обозы, должна была осуществляться постепенная депортация военнообязанных. Учитывая то, что основная часть тыловых частей 41 корпуса концентрировалась в районе Иваново, эти депортации должны были коснуться районов, расположенных относительно далеко от линии фронта.

Каждой из четырёх дивизий корпуса предписывалось депортировать «до 150 голов» в день. Сопровождаемые охраной транспортные колонны должны были доставляться в Иваново для дальнейшей транспортировки. Близ Иваново для них оборудовался временный лагерь. О масштабах депортации можно судить по тому, что предполагаемая численность охраны лагеря должна была составлять около 130 человек. Депортируемые из Пинска должны были размещаться близ вокзала под охраной до выделения для них особых эшелонов.

Подготовка населения к депортации сопровождалась самым диким и безудержным грабежом.

Автор истории немецкого 8 драгунского полка, который с середины ноября 1915 года находился в районе Больших Дикович (южнее Пинска), писал: «Для пополнения запасов реквизировалось всё, что можно было в этой местности найти... Сгонялась вся скотина, которую можно было сыскать. Не очень-то приятно было отнимать у ревущих и голосащих баб их последних коров. Как часто с облегчением думалось о том, что наша собственная родина не стала театром военных действий. В конце концов, крестьянам, которые после этого были выселены из прифронтовой полосы, их скотина больше не понадобилась бы» [4, с. 217]. Речь идёт о периоде, когда самоснабжение частей мясом за счёт местных ресурсов было запрещено приказанием по 41 корпусу от 19 октября 1915 года, а приказанием

от 20 октября 1915 года были запрещены все реквизиции к югу от Пины. Очевидно, что произвол на местах это не останавливало.

Распоряжения о депортации не предусматривали чрезмерных, по мнению немецких военных властей, жестокостей в отношении местного населения. 6 ноября 1915 года командир 41 корпуса генерал Г.фон Гронау издал распоряжение: «Оставлять депортируемому населению дойных коров лишь пределах, необходимых для следования в пути. Весь остальной скот подлежит конфискации» [1, с. 31]. Распоряжение не уточняет, сколько конкретно коров следовало оставлять – очевидно, здесь действовало приказание от 30 октября: оставлять сельским общинам коров только для обеспечения молоком детей исходя из 0,5 литра молока в день на ребёнка [1, с. 23]. Нетранспортабельных больных и престарелых предписывалось оставлять на попечение жителей соседних деревень [1, с. 9].

Дивизиям разрешалось на местах оставлять при себе подлежащих депортации специалистов – пекарей, трубочистов и т.д., но лишь на временной основе. Иногда депортация не касалась целых деревень. Так, в истории полка лейб-гвардии отмечается: «При должном руководстве люди в большинстве случаев были довольно прилежны. Так, деревня Красиево, население которой было для этого оставлено ротмистром Муциусом, в течение зимы 1916–17 гг. снабжала всю гвардейскую кавалерийскую дивизию картофелем... Скоро отношения между лейб-гвардейцами и населением сделались отличными. Время от времени эскадроны устраивали им «деревенские балы», во время которых лейб-гвардейцы имели оказию познакомиться с русскими народными танцами» [2, с. 222].

Немецкое военное командование не делало из депортаций никакого секрета. Об этом открыто писалось в прессе: «О населении Пинской возвышенности сегодняшний путешественник немного сможет узнать. Край находится в зоне военных действий и ему доводится хлебнуть горя. Городские торговые дела замерли, крестьянам приходится покидать зону наших передовых позиций и их скопом увозят на запад. На их родных нивах залегли немцы и высматривают врага, который залёг напротив по ту сторону болот в нескольких сотнях метров или в нескольких километрах и выжидает, когда мороз скуют зыбкую твердь и сделает их проходимыми. Те из солдат, кому не нашлось места в какой-нибудь хибаре, роет землю и строит себе землянку...» [7, с. 3].

Индивидуальные депортации жителей города применялись в течение всего периода оккупации как наказание за несоблюдение распоряжений

немецких властей. Так, в соответствии с приказами коменданта города, жителям Пинска грозила депортация за самовольный снос построек, включая ветхие сараи [9, с. 1], за уклонение от полной сдачи всех семян овощей [10, с. 1], за неявку в указанный срок на перерегистрацию документов [11, с. 1], за несвоевременную очистку отхожих мест и вывоз нечистот [12, с. 3].

Интересные свидетельства того, как выглядели Пинск и окрестности после проведения депортаций можно найти в письмах немецкого профессора Эдуарда Мейера.¹ В феврале 1918 года он выезжал на восточный фронт с лекциями о международном положении. После встреч с командиром армейской группы генералом Г. фон Гронау и офицерами комендатуры профессор Э. Мейер писал своей жене в Берлин 6 февраля 1918 года: «Пинск – это очень значительный город, в мирное время примерно 40 000 жителей... Часть жителей убежала, из оставшихся всех русских (греко-православных) удалили, так что теперь осталось лишь 10 000 жителей, в основном евреев (8 500), и наряду с ними поляков. Они, естественно, находятся под строгим контролем» [15].

Из Житновичей (ныне Молотковичский с/с Пинского района) 9 февраля 1918 года Э. Мейер пишет: «Лес тянется далеко, с болотами и хлебными нивами; его усердно высекают и отправляют в Германию... Отдельные деревни, которые расположены в нём, конечно, освобождены от населения, расширены в военных целях и содержатся аккуратно». 12 февраля 1918 года после переезда в Завишье Э. Мейер пишет: «Весь путь вёл через дикий заболоченный лес, населённые пункты там и раньше редко встречались, а те, что остались, конечно, давно очищены от населения и переобстроены для солдат» [15].

Бывший солдат кайзеровской армии Густава Мильде в своём письме, написанном в 1964 году, в деревню Хойно, где он служил в начале 1916 года, отмечал, что местного населения там и в близлежащих деревнях он уже не застал [14].

В процитированном выше письме Э. Майера от 6 февраля 1918 года говорилось, что оккупационные власти удалили из города «всех русских (греко-православных)». Это подтверждается также в изданной в Тель-А-

---

¹ Профессор Эдуард Мейер (Eduard Meyer) был историком с мировым именем. В 1919-1920 гг. занимал пост ректора Берлинского университета. Большая часть его личного архива, включая письма 1918 года, хранится в Берлинско-Бранденбургской академии наук (Режим доступа: <http://www.kohring-digital.de/mediapool/28/282725/data/Rosine/1918.pdf>, дата доступа: 10.09.2016).

вие «Истории евреев Пинска», где в главе о периоде оккупации города говорится: «Русские и полешуки трактовались как враждебные элементы, а евреи нет. Православные были выселены из города в первые недели после его захвата» [18]. Отмечены попытки оставшихся русских жителей города избежать депортации и репрессий, скрыв свою национальность. Венская газета «Нойес Винер журнал» от 24 марта 1916 года перепечатала материал журналиста нидерландской газеты «Ниуве Роттердамшен курант», посетившего Пинск ранней весной 1916 года. По его словам, «многие русские переходили в католичество и таким образом «перерегистрировались» на поляков. Немецкая администрация в широкой временной перспективе не признаёт этого» [8 с. 7-8]. Таким образом, немцы последовательно стремились к безоговорочной депортации всего русского и православного населения. Это позволяет сделать вывод о том, что депортации населения немцами носили признаки этнических чисток. Однако такой вывод пока не подкреплён соответствующими немецкими официальными документами, их ещё предстоит отыскать.

Возвращение депортированного населения Пинщины могло начаться только после того, как Германия в соответствии с Брест-Литовским соглашением с Центральной радой от 9 февраля 1918 года передала Полесье зависимой от неё украинской администрации. 18 февраля 1918 года началось продвижение германских войск далее на восток, и Пинск перестал быть прифронтовым городом. В сообщениях австрийской прессы от 6 апреля 1918 года говорится, что украинский комиссар для Холмщины и Подляшья Александр Скоробис-Полтуховский докладывал украинскому правительству о заключённом с немцами соглашении. В соответствии с ним крестьянам было позволено возвращаться в свои места, если они находились в зоне немецкой оккупации. В приводимом списке местностей, куда разрешалось возвращение, упоминалась также Пинщина [5, с. 1].

Эвакуация части жителей Пинска с русскими войсками, а затем и депортации немецких оккупационных войск, практически полное изъятие взрослого мужского населения стали настоящей демографической катастрофой для всего региона с далеко идущими материальными и культурно-психологическими последствиями. На Пинщине, по не до конца подтверждённым данным, население уменьшилось на 43 проц. [17, с. 359]. Если в 1914 году население Пинска составляло 40 тыс. человек, то в 1919 году – только 25 тыс. человек [16, с. 430]. Политика оккупантов также негативно отразилась на этническом и конфессиональном составе населения,

---

особенно в центре региона – в Пинске. В полосу очередной геополитической турбулентности, когда зарождавшиеся вокруг Полесья новые государства сделали его объектом своих притязаний, Пинщина вступила ослабленной, едва способной к выражению какой-либо политической воли.

1. ЦАМО РФ, Фонд 500, Описание 12519, Дело 2. Приказы штаба 41 резервного корпуса 13.10.1915–31.12.1915

2. Boddien, W. von. Das Regiment der Gardes du Corps im Weltkriege / W. von Boddien. – Berlin: Verlag von Gerhard Stalling, 1928. – 418 S.

3. Scheel, Das Reserve-Feldartillerie-Regiment Nr.70 / Scheel. – Berlin: Oldenburg, 1923. – 266 s.

4. Schickfus u. Neudorff, E. von. Dragoner-Regiment König Friedrich III. (2.Schlesisches) Nr.8 im Weltkriege 1914–1918 / – E. von. Schickfus u. Neudorff. – Breslau: Selbstverlag, 1931. – 395 s.

5. Auszug aus der Tagespresse. – Inland (Wien). – 10.04.1918 – s. 5.

6. Deutsches Volksblatt (Wien). – 11.11.1915.

7. Deutsches Volksblatt (Wien). – 25.11.1915.

8. Neues Wiener Journal. – 24.03.1916.

9. Pinsker Zeitung / Пинская газета. – 17.12.1916.

10. Pinsker Zeitung / Пинская газета. – 3.01.1917.

11. Pinsker Zeitung / Пинская газета. – 15.01.1917.

12. Pinsker Zeitung / Пинская газета. – 4.06.1917.

13. Reichspost (Wien). – 12.10.1915.

14. Письмо бывшего немецкого солдата Г. Мильде в деревню Хойно от 18.03.1964. – Фонды Музея Белорусского Полесья. – КП 0012470.

15. Письма профессора Э. Мейера за 1918 год. – Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. – Akademiearchiv. – Nachlass Eduard Meyer. – Sign. 1409.

16. Вабішчэвіч, А.М. Пінск у складзе Польшчы. Сацыяльна-эканамічнае становішча і духоўна-культурнае жыццё / А.М. Вабішчэвіч // Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці. – Мінск: Вышэйшая школа, 2012, с. 413–456

17. Ляхоўскі, У. В. Пінск падчас Першай сусветнай вайны / У.В. Ляхоўскі // Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці. – Мінск: Вышэйшая школа, 2012, с. 343–396.

18. Shohat, A. History of the Jews of Pinsk 1881-1941. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jewishgen.org/yizkor/Pinsk1/Pine11_050.html#Page58/